

С. Танасић. Синтакса пасива у савременом српском језику. Београд: Београдска књига — Институт за српски језик САНУ, 2014. 259 с. [*S. Tanasić. Sintaksa pasiva u savremenom srpskom jeziku* [The syntax of passive in Modern Serbian]. Beograd: Beogradska knjiga — Institut za srpski jezik SANU, 2014. 259 p.]. ISBN 978-86-82873-50-1.

Галина Георгиевна Тяпко

Galina G. Tyapko

МГИМО МИД России, Москва, 119454, Российская Федерация; galina606@mail.ru

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation; galina606@mail.ru

Исследования по типологии пассива в языках мира пополнились новым источником самобытного материала, представленного в монографии «Синтаксис пассива в современном сербском языке»¹ Среты Танасича, известного сербского специалиста в области синтаксиса. Рецензируемая монография посвящена проблематике пассивной диатезы и залоговых отношений в современном сербском языке (и, шире, в сербохорватском языке последних двадцати лет прошлого века). Этой научной областью С. Танасич успешно занимается не одно десятилетие, и обсуждаемая работа суммирует наиболее значимые результаты его исследований, ранее публиковавшихся в разнообразных изданиях в разных странах, и в силу этого не всегда доступные сегодняшнему читателю. Продуманная композиция книги, хорошо разработанная и последовательно реализуемая теоретическая база, добротный материал, интерпретируемый в новых терминах, характеризуют данное научное издание не как сборник статей, а именно как цельное исследование.

Следует подчеркнуть, что статус и семантика пассива — одна из фундаментальных и наиболее сложных проблем сербохорватского синтаксиса, долгое время остававшаяся в тени исследовательского интереса. Может показаться парадоксальным, но по традиции авторы грамматик сербохорватского языка рассматривали пассив как нехарактерную для этого языка грамматическую категорию, несмотря на обилие в нем производных страдательных причастий, притом от глаголов обоих видов. Такой подход исторически обусловлен. Он объясняется особенностями ранней нормы литературного языка на народно-речевой основе, кодифицированной в результате радикальной реформы Вука Караджича (1787—1864). Реформаторская деятельность Караджича в области грамматики была направлена, как известно, на элиминацию из литературного языка книжных элементов и конструкций, не свойственных живой диалектной речи и языку народных песен, до недавнего времени считавшихся образцами нормы (отсюда такое отношение и к книжным пассивным конструкциям). Нередко пассивным конструкциям приписывались совсем другие значения, притом действительного залога. В книге немало пассажей на эту тему.

Логично предположить, что многие максимы начальной стадии формирования сербского литературного языка, задержавшиеся в грамматиках, не отражают языковой реальности сегодняшнего дня. Исследование С. Танасича, опирающееся на современную методологию и солидный корпус иллюстративного материала из репрезентативных источников,

¹ В некоторых разделах монографии речь идет скорее о «сербохорватском» языке, который автором обобщенно назван «сербским», несмотря на наличие в тексте хорватских примеров с элементами хорватского узуса (типа *ožujak* ‘март’, с. 50), которые тем не менее даны в кириллице, особенно в первой части. Это никак не затрагивает предмет рецензируемого исследования, но, чтобы снять возможные вопросы по поводу языка иллюстративного материала, мы используем в соответствующих разделах рецензии этот термин прошлого века, тем более что он представлен в названии ранних работ автора [Tanasić 1982; Танасић 1991], включенных в монографию. Термин «сербский язык» используется нами применительно к эпохе В. Караджича, а также при анализе представленных в книге более поздних статей автора, опирающихся на материал сербских источников.

свидетельствует о высокой частотности пассивных конструкций почти во всех функциональных стилях, опровергая укоренившийся стереотип о слабости этой категории. Автор неоднократно отмечает, что теоретической базой работы является испытанная временем концепция диатез и залогов Петербургской типологической школы (см. [Храковский 2000] и мн. др.), а во второй части и теория референции (см. [Ивић 1983] и мн. др.).

Монография состоит из двух частей. В первой части размещена самая ранняя работа автора, целиком посвященная одной характерной конструкции, используемой для выражения пассивного значения в сербохорватском языке [Tanasić 1982], — конструкции с копулятивным глаголом и страдательным причастием² (с. 9—98). Вторая часть исследования содержит 10 разделов (с. 101—250). Это статьи, вышедшие позднее (а также два впервые опубликованных текста), в которых продолжен анализ проблематики пассива с опорой на теорию референции.

В кратком «Вступительном слове» к монографии и во «Введении» к первой части автор характеризует категорию пассива в сербском языке как синтаксическую категорию без константных грамматических показателей, что и осложняет ее описание. В ее реализации участвует не только сказуемое, и для распознавания пассива в сербском языке необходим комплексный подход, требующий учета смыслов всего предложения, а в ряде случаев еще более широкого контекста.

В ходе исследования автор неоднократно напоминает важнейшие характеристики пассивной диатезы: 1) позицию субъекта занимает пациенс, в активной форме предложения пациенс занимает синтаксическую позицию прямого дополнения; 2) агенс не может занимать синтаксическую позицию субъекта, в пассивном предложении выражение агенса не обязательно, но он обязательно участвует в ситуации, представляемой пассивной диатезой; 3) пассивная конструкция характеризуется компонентом динамичности, т. е. совершение действия актуально в момент, о котором сообщает пассивная конструкция (с. 12, 178).

Первая часть книги посвящена анализу конструкции, состоящей из копулятивного (вспомогательного) глагола *бити* ‘быть’ и страдательного причастия. Выбор этой конструкции не случаен, поскольку она действительно является важнейшим средством выражения пассивной диатезы в сербохорватском. Проблема, однако, состоит в том, что эта конструкция омонимична и определить характер глагольной диатезы (актив или пассив) в ней не так просто, что зачастую и приводило к разнобою в ее трактовке в грамматиках и учебной литературе. Грамматисты фокусировали внимание исключительно на глагольной форме этой конструкции, рассматривали ее изолированно от контекста всего предложения, т. е. без учета всех участников ситуации. Досконально обследовав солидный корпус публицистических текстов ежедневных и периодических изданий, выходящих в Сербии (3 газеты), Хорватии (8 газет и 1 журнал), Боснии и Герцеговине (2 газеты) и Черногории (1 газета)³, автор выявил три разновидности КОП-конструкций. Они могут выражать пассивную диатезу (КОП/Б), активную диатезу (КОП/А) или оба компонента значения сразу (КОП/АБ).

- (1) КОП/Б-конструкции сообщают **о действиях**, которые произошли или происходили в прошлом. Для них обязательно наличие динамического компонента.
- (2) КОП/А-конструкции сообщают **об особенностях субъекта**, образовавшихся в результате глагольного действия над субъектом, или о ситуации, связанной с субъектом. Эти

² Отсюда и обозначение этой конструкции по копулятивному (вспомогательному) глаголу — КОП.

³ Список источников дан в конце первой части книги; все примеры, независимо от источника, транслитерированы автором в сербской кириллице. В этой ранней статье автора, включенной в монографию, не обошлось без курьезных опечаток при передаче из хорватской прессы иностранных имен собственных: «Петар Финцх» (с. 54) вместо *Петер Финч*, хорв. Peter Finch; «Тхенг Хисао Пинг» (с. 82) вместо *Денг Сжаопинг*, хорв. Deng Xiaoping. Хорватские журналисты, переводя английские статьи, сохраняют английское написание английских имен собственных, китайские имена они также транслитерируют по-английски.

глагольно-именные конструкции, в которых страдательное причастие имеет адъективную семантику, лишены динамического компонента.

- (3) КОП/АБ-конструкции характеризует наличие обоих компонентов в семантике страдательного причастия — адъективного и глагольного, представленных в равной степени.

Исключив из рассмотрения КОП-конструкции, не относящиеся к пассиву, автор получил «в сухом остатке» полную картину употребления пассивной диатезы в сербохорватском языке. К решению этой задачи автор идет постепенно, скрупулезно рассматривая семантику этих конструкций с учетом видовой специфики: КОП-конструкции перфективных глаголов (с. 20—66), имперфективных глаголов (с. 67—81), двувидовых глаголов (с. 81—86). Отдельная глава посвящена особенностям агенса в пассивной диатезе (с. 87—91).

Большую часть примеров составили КОП-конструкции перфективных глаголов: около 700 случаев из 900. Автор предпринял попытку установить влияние семантики производящих глаголов, формирующих страдательные причастия этой группы, на качество их диатезы. С этой целью были проанализированы КОП-конструкции, содержащие разные лексико-семантические классы глаголов: событийные, креативные, деструктивные, глаголы движения, речемыслительные, эмоциональные глаголы, глаголы с декомпонованным (глагольно-именным) предикатом, — а также конструкции без вспомогательного глагола. В определении типа диатезы учитывались и лексико-грамматические особенности синтаксического субъекта, выраженного существительным (одуш./неодуш., мн./ед. ч.).

В результате анализа было выявлено, что в предложении с пассивной диатезой всегда прямо или косвенно присутствует обстоятельство указатель времени, придающий динамику высказыванию. Он указывает на опережение времени действия предиката относительно времени всего высказывания в целом, например: *Први покушај учињен је неколико дана пре примопредаје председничке дужности* ‘Первая попытка была сделана за несколько дней до передачи президентских полномочий’ (с. 54); *Послије једанаест година — колико је била на челу владе Индије — Индира Ганди је поражена на изборима одржаним у ожуку* ‘После одиннадцати лет — пребывания на посту главы правительства Индии — Индира Ганди потерпела поражение (букв. была поражена) на выборах, состоявшихся в марте’ (с. 50). Фокус опережения может быть направлен на действие в настоящем времени и в прошлом, выраженном глаголами обоих видов.

Отсутствие обстоятельного указателя времени сигнализирует об активном характере глагольной диатезы. Ср. копулятивно-адъективную семантику КОП/А-конструкции, в которой отсутствует динамический компонент: *Стегнут је загрљајем леда који рјетко попушта* ‘Сжатый объятием льда, которое редко ослабевает’ (с. 27). Действие перфективного глагола (*стегнути* ‘сжать’) здесь параллельно действию имперфективного глагола (*попуштати* ‘ослабевать’).

В корпусе обследованных текстов КОП-конструкции имперфективных глаголов встречаются гораздо реже. Автором отмечено только 65 примеров. Большая часть из них также относится к пассиву (КОП/Б), ср.: *Канал је грађен пуних двадесет година* ‘Канал строился целых двадцать лет’ (с. 67). Как и в предыдущем случае, фокус опережения может быть направлен на настоящее или прошедшее время, но уже имперфективного (!) глагольного действия. Динамический компонент также будет указывать на длительность его протекания во времени.

Показательно, что в корпусе примеров КОП-конструкций с имперфективными глаголами автор обнаружил только один пример активной диатезы с адъективно-копулятивной семантикой без динамического компонента. Однако этот единственный пример не вполне ясен без контекста: *Нисмо толико учени, на ћемо сами* ‘Нас не так много учили, так что будем [учиться?] сами’ (с. 69). Тем не менее автор допускает, что в разговорном языке подобные конструкции вполне возможны.

Танасич установил, что логику выявления семантики активной диатезы КОП-конструкций от имперфективных глаголов нарушают только так называемые алимитативные глаголы (типа *хвалити* ‘хвалить’, *вољети* ‘любить’, *поштовати* ‘уважать’, *цијенити* ‘ценить’,

тражити ‘требовать’), мотивирующие страдательное причастие. Именно они нередко вызвали разночтения в трактовке семантики КОП-конструкций данного типа в грамматиках и учебной литературе, поскольку в семантике этих глаголов сема динамичности косвенно присутствует: *неко “je volen” док га воле* ‘некто любим, пока его любят’. Это допускает их двоякую трактовку — с А и Б значением. Автор предлагает различать их семантику с помощью другой пассивной конструкции, содержащей рефлексивную частицу *се* (способ, предложенный в свое время К. Милошевич [Милошевић 1974], инициировавшей в 1980-е гг. семантико-синтаксический подход при анализе залоговых отношений).

В третьем разделе первой части Танасич рассматривает КОП-конструкции двувидовых глаголов. Как и следовало ожидать, в этой группе особенно много интернациональной лексики (типа *формиран, актуелизован, промовиран, интерниран, идентификован* и т. д.). В КОП-конструкциях они ведут себя так же, как и одновидовые глаголы, т. е. могут быть либо совершенного вида, либо несовершенного. Большинство из них употребляются в КОП-конструкциях как перфективные глаголы, выражающие пассивную диатезу. Их видовую принадлежность автор определяет разными способами. Примечательно, однако, что наличие динамического компонента в этой подгруппе глаголов автор не обнаружил. Он опирается на другие критерии, выявляющие их принадлежность к совершенному виду.

Исследование особенностей КОП-конструкций завершается рассмотрением вопроса о статусе агенса в пассиве и характере его актуализации в сербохорватском предложении. Автор констатирует фактически нулевую валентность агенса в пассиве. В тех редких случаях, где он все же употребляется (в материале они составили примерно 1%), для его введения используется сочетание с предлогом *од* + родительный падеж, реже — вставка с расширением *од стране* + родительный падеж. Использование расширенного варианта автор объясняет стремлением избежать возможной омонимии многозначной конструкции *од* + родительный падеж. В то же время он отмечает участвовавшее в современном языке употребление расширенной конструкции, с его точки зрения, «без надобности», т. е. в тех случаях, когда смысловая омонимия исключена. Эта форма включения агенса по частоте употребления приближается к способу первого типа — без расширения.

Танасич подчеркивает, что независимо от того, выражен агенс лексически или нет, он присутствует в более широком контексте. Другое дело, что наличие лексически выраженного агенса облегчает идентификацию залога данной конструкции, сразу указывая на пассив. Но поскольку агенс лексически выражается в исследуемых конструкциях довольно редко, возникают сложности при определении их значения в массе других примеров. Автор указывает, что на этот признак и не следует полагаться при определении семантики КОП-конструкций ввиду его ограниченной применимости.

Редкая выраженность агенса, возможно, способствовала тому, что он перестал восприниматься как показатель пассивного значения и стал использоваться в тех КОП-конструкциях, где страдательное причастие используется в атрибутивной функции: *Он је био родољуб и радо виђен од свих* ‘Он был патриотом и все тянулись к нему’ (букв. был охотно виден всеми)’ (с. 88).

Перейдем теперь ко второй части монографии. В первых четырех разделах способы выражения пассивной диатезы в трех временных планах рассматриваются с опорой на теорию референции.

Введение оппозиции референциальность/нереференциальность в методологию исследования глагольной диатезы позволили автору сделать ряд важных обобщений. Анализ материала показал влияние данной оппозиции на выбор определенного типа пассивной конструкции и ее видо-временную специфику.

Так, для выражения **референциальных** действий глагола в настоящем времени используется только одна пассивная конструкция — с частицей *се*. Глагольное действие при этом выражено несовершенным видом: *Наиме, у Београду се одржавају два конгреса* ‘Так, в Белграде проходят два съезда’ (с. 102). **Нереференциальные** действия в настоящем времени выражают три конструкции: а) с частицей *се*, б) со страдательным причастием

и копулятивным глаголом *бивати*, в) со страдательным причастием и копулятивным глаголом *бити*, *будем*. Различия в употреблении *се*-конструкции, выражающей референциальные и неререференциальные действия, касаются только глагольного вида. В последнем случае допускается возможность употребления и перфективных глаголов.

Пассивная конструкция с копулятивным глаголом *бивати*, характерная, как пишет Танасич, для научного стиля речи, употребляется преимущественно с глаголами совершенного вида: *Обе хемисфере у својим функцијама, разуме се, координирају, а у случајевима када једна бива одстрањена друга делимично преузима функцију прве* 'Оба полушария в своих функциях, разумеется, координируются, а в случаях, когда одно из них удаляют (букв. сов. *бывает удалено*), другое частично берет на себя функцию первого' (с. 105). Глаголы несовершенного вида в КОП-конструкциях с *бивати* встречаются, но редко. По всей вероятности, однозначность КОП-конструкций с *бивати* дает им преимущество (в сравнении с многозначными *се*-конструкциями) в научном стиле. Грамматики старшего поколения, опиравшиеся в основном на художественную литературу и произведения устного народного творчества, писали об этой конструкции весьма скупно, поскольку там эта конструкция встречается действительно крайне редко. Учитывая ее активность в научном и публицистическом стилях, нормативный статус КОП-конструкций с глаголом *бивати* в современном языке, по мнению автора, должен быть, безусловно, поднят.

Третья КОП-конструкция с глаголом *бити*, *будем* и страдательным причастием совершенного вида также предназначена для выражения неререференциальных, повторяющихся глагольных действий в настоящем времени: *Због недостатка кревета годишње 50-60 молби буде одбијено* 'Из-за недостатка коек 50-60 заявлений в год отклоняется' (с. 108). В сравнении с другими актуализаторами эта КОП-конструкция встречается редко, хотя и отмечается в разных функциональных стилях.

Далее Танасич переходит к анализу и дифференциации форм пассива, используемых для выражения референциальных и неререференциальных глагольных действий в прошедшем времени. Инвентарь используемых при этом средств частично совпадает. Референциальные действия в прошедшем времени могут быть выражены в сербохорватском языке КОП-конструкциями и реже *се*-конструкциями. При этом предикат КОП-конструкций может быть выражен презентом или перфектом, ср.: [презент] *Канал је грађен пуних двадесет година* 'Канал строился целых 20 лет' (с. 112)/[перфект] *Но тиме све муке нису биле отклоњене* 'Но на это мучения не закончились (букв. не были устранены)' (с. 112). Неререференциальные действия в прошедшем времени выражаются в языке также КОП-конструкциями и реже *се*-конструкциями. При этом предикат КОП-конструкций также может быть выражен презентом или перфектом, ср.: [презент] *Давано им је земљиште и куће у закуп* 'Земля и дома им давались в аренду' (с. 113)/[перфект] *Повеље српских владара биле су често издаване у више примјерака* 'Грамоты сербских правителей часто выходили в нескольких экземплярах' (с. 114). При выражении неререференциального прошедшего времени во всех трех конструкциях исключены глаголы совершенного вида.

Кроме того, для выражения неререференциальных глагольных действий в прошедшем времени в сербохорватском языке могут быть использованы еще три разновидности пассивных конструкций, притом без видовых ограничений — пассивная форма сослагательного наклонения: *Раније би био позиван на такве састанке* 'Раньше его приглашали на такие собрания' (с. 116); потенциальная конструкция с *се*: *На средини се истицао један гвоздени држач у који би се о празницима уденуо барјак* 'В центре выделялся флагшток, в который на праздники вставляли флаг' (с. 116); КОП-конструкция, состоящая из перфекта вспомогательного глагола *бивати* и страдательного причастия: *Често је бивао затечен у таквом стању* 'Его часто заставляли в таком положении' (с. 115).

Для выражения пассивной диатезы в будущем времени в сербском языке служат два типа конструкций: КОП-конструкции со страдательным причастием и *се*-конструкции. Необходимо дифференцировать особенности их употребления при выражении ими референциальных и неререференциальных глагольных действий. В сербском языке есть две формы

для выражения глагольного действия в будущем времени — простое будущее время и будущее второе. Оба времени могут использоваться в пассивной диатезе со страдательным причастием. КОП-конструкции, состоящие из формы будущего времени копулятивного глагола *бити* (*ћу бити/бићу*) и страдательного причастия могут выражать как референциальные, так и неререференциальные действия. Разница состоит только в том, что референциальные действия не имеют видовых ограничений, в то время как неререференциальные действия могут быть выражены только глаголами несовершенного вида. Омонимичность КОП-конструкций из-за двойственности семантики страдательного причастия (глагол/прилагательное) нередко осложняет определение залога, выражаемой ими глагольной диатезы. Глагольная семантика, присущая глагольной диатезе, не может быть выявлена с помощью агенса, который в сербском пассивном предложении употребляется редко. Указателем глагольного характера диатезы и, следовательно, пассива может быть только более широкий контекст либо обстоятельство времени, например: *...у ове две општине 30. маја биће одржани поновљени избори за органе власти* 'В этих двух муниципальных образованиях 30 мая состоятся повторные выборы в органы власти' (с. 120).

Се-конструкция также используется для выражения референциальных и неререференциальных действий в будущем времени и с тем же ограничением: при выражении неререференциальных действий употребляются только страдательные причастия несовершенного вида. Речь, разумеется, идет о переходных глаголах (не возвратных).

Танасич указывает, что употребление *се*-конструкций с будущим вторым в пассивной диатезе не отличается от их использования с простым будущим временем, ср.: *План који буде био направљен.../План који ће бити направљен...* 'План, который будет подготовлен' (с. 127). При этом референциальные действия с участием *се*-конструкций могут быть выражены страдательными причастиями разных видов, а неререференциальные глагольные действия, как правило, — страдательными причастиями несовершенного вида.

Пolemическим разделом этой части исследования является анализ ошибок в грамматиках прошлого, в том числе и весьма авторитетных, неправоммерно трактовавших конструкции пассивного презенса с копулятивным глаголом *бити*, *будем*, использующиеся для выражения неререференциальных глагольных действий, как случаи употребления «предбудущего времени».

Во всех разделах обсуждаемой работы автор обращает внимание на омонимичность средств, используемых в сербском языке для выражения пассивной диатезы. В статье «Глаголы между предложением и словарем» затрагиваются актуальные проблемы лексикографического описания глаголов, страдательных причастий и отглагольных прилагательных, участвующих в формировании КОП-конструкций и *се*-конструкций, каждая из которых может выражать оба залога — в зависимости от контекста. Омонимичность активной и пассивной диатезы провоцирует ошибки при обработке глаголов и их производных в словарных статьях, в подборе иллюстративного материала. Автор последовательно, шаг за шагом показывает методику дифференциации семантики внутри каждого типа и сложности, возникающие при этом. Свои доводы Танасич подкрепляет убедительными примерами из словарной практики и полезными рекомендациями для лексикографов.

Тема омонимии глагольной диатезы продолжена в статье «Об одном случае связи между значением глагольной лексемы и типом предложения», в которой рассматривается довольно многочисленная группа переходных глаголов, имеющих аналог с частицей *се*, показателем специфического типа рефлексивной семантики. Так, предложение *Дјеца се држе за руке* может быть переведено двояко: 'Дети держатся за руки' и 'Детей держат за руки'. Без контекста определить характер глагольной диатезы (актив/пассив) в подобных случаях очень трудно. Еще сложнее определить характер диатезы с инкорпорированным агенсом. Это касается глаголов, связанных с чувственным восприятием (типа *видјети/видјети се, назирати/назирати се, чути/чути се*): «Чтобы установить о каком глаголе из пары идет речь, необходимо проникнуть в его значение» (с. 175; перевод наш. — Г. Т.). Характер диатезы может быть установлен с помощью второстепенных, вспомогательных актантов. Например,

в предложении *Кроз прозор вагона назиру се поља покривена снијегом* 'Из окна вагона виднеются поля, покрытые снегом' (с. 173) таким средством является вспомогательный актанта места 'из окна вагона'. С его помощью выявляется агенс, «наблюдающий» за пейзажем из окна вагона, возможно, в сумерки, при плохом освещении, на что указывает глагол *назирати се* 'быть плохо видимым, слабо различимым'.

В статье «Творительный падеж для одушевленных существительных в пассивных конструкциях» автор критически рассматривает интерпретацию форм творительного падежа в сербохорватской пассивной диатезе в качестве агенса (по аналогии с русским языком). Такие формы встречаются в сербохорватском языке в причастных оборотах и придаточных предложениях в КОП-конструкциях, но в этой функции давно не употребляются (что также связано с реформой В. Караджича) и не могут быть аналогом существительных в родительном падеже с предлогом *од*, выражающих агенс (одушевленных существительных) в сербохорватском пассиве.

В статье «Агенс в пассивных предложениях в современном сербском языке» анализируются средства и способы выражения агенса, в том числе «нулевого». Для эксплицитного выражения агенса в тех редких случаях, когда он употребляется в КОП-конструкциях со страдательным причастием, в сербском языке есть упомянутая выше конструкция из существительного (местоимения) в родительном падеже с предлогом *од*. Как известно, грамматики прошлого «безагенсный» пассив считали спецификой сербского языка. Вместе с тем само определение пассивной диатезы предполагает обязательное наличие агенса, даже несмотря на его «нулевую» валентность в сербском языке. Автор разворачивает репрезентативный корпус примеров из разных функциональных стилей, показывая пути идентификации имплицитно выраженного агенса в более широком контексте, вскрывая мотивы его анонимизации.

В статье «Взаимоотношения пассивной *се*-конструкции и обезличенного предложения» Танасич рассматривает сходства, различия и точки пересечения двух типов предложений — пассивного, двусоставного, имеющего синтаксический субъект, с одной стороны, и односоставного, бессубъектного, с другой стороны. Термин «обезличенное» предложение (серб. *обезличена реченица*) употребляется в сербской грамматической традиции применительно к частотной разновидности безличных предложений, предикат которых выражен формой 3 л. ед. ч., с возвратной частицей *се*: *Путује се без обзира на ризик и стање културе* 'Путешествуют невзирая на риск и состояние культуры' (с. 211). К общим характеристикам этих двух типов предложений относится удаление агенса и возможность беспрепятственной рефлексивизации всех невозвратных глаголов. В то же время пассивные *се*-конструкции возможны только от переходных глаголов, а безличные — от непереходных. Первые относятся к категории глагольной диатезы, вторые — к категории персональности. Тем не менее, исходя из материала, автор выявляет сходство у этих предложений в имплицитном наличии агенса, обнаруживаемого в более широком контексте. Несмотря на принадлежность к разным видам простого предложения, пассивные *се*-конструкции и безличные предложения данного типа совместно участвуют в формировании событийно-ситуативных текстов, употребляются «в связке» или чередуясь друг с другом.

Своеобразным итогом монографии является заключительная статья «Взаимоотношения рефлексивного и партиципного пассива», посвященная сравнению диапазона употребления двух актуализаторов пассивной диатезы в современном сербском языке, их сходству и различиям. Здесь суммирована вся информация о пассивных КОП-конструкциях и *се*-конструкциях, рассредоточенная в разных разделах монографии. Будучи синонимичными, они употребляются в текстах разных функциональных стилей (публицистическом, научном, художественном, административном), подтверждая прочные позиции пассива в современном сербском языке.

Исследование С. Танасича дополняет актуальная библиография по проблематике пассива и глагольного функционирования, в которой учтены и редкие издания начала XX в., и труды современных исследователей. Несомненным достоинством монографии является эксплицитное изложение теоретических основ каждого из разделов и последовательная реализация

выбранной методологии, что укрепляет аргументацию автора при обсуждении спорных вопросов сербской глагольной диатезы. Именно это и создает цельность обсуждаемого труда. Автору удалось показать специфику сербского и, шире, сербохорватского пассива во всей полноте: во взаимодействии с грамматическими категориями вида, времени, а в ряде случаев и наклонения; в специфике пассивной диатезы для выражения референциальных и нереференциальных глагольных действий; в способах идентификации «нулевого» агенса. Это хорошая основа для компаративных исследований. Несмотря на сложность проблематики, книга читается легко и с интересом. Читатель найдет здесь много свежих идей, яркий, досконально проанализированный фактический материал, важные обобщения и ценные нормативные рекомендации. Монография С. Танасича безусловно заслуживает пристального внимания специалистов и языковедов широкого профиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ивић 1983 — Ивић М. Начини на које словенски глагол овремењује понављању радњу // Ивић М. Лингвистички огледи. Београд: Просвета. С. 37—55. [Ivić M. The means by which the Slavic verb designates tense of repeated actions. Ivić M. *Lingvistički ogledi*. Belgrade: Prosveta. Pp. 37—55.]
- Милошевић 1974 — Милошевић К. Улога имперфективног вида и неких других елемената глаголског значења у семантичком конституисању и интерпретацији једног типа предиката // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 1974. Књ. XVII. № 1. С. 139—171. [Milošević K. The role of the imperfective aspect and some other elements of verbal meaning in the semantic structure and interpretation of one type of predicates. *Zbornik Matice Srpske za Filologiju i Lingvistiku*. 1974. Vol. XVII. No. 1. Pp. 139—171.]
- Танасић 1991 — Танасић С. Пасивне конструкције за исказивање референцијалних и нереференцијалних садашњих радњи у савременом српскохрватском језику // Књижевни језик. Књ. 20. № 1. С. 99—106. [Tanasić S. Passive constructions for expression of referential and non-referential current actions in Modern Serbo-Croatian. *Književni Jezik*. Vol. 20. No. 1. Pp. 99—106.]
- Храковский 2000 — Храковский В. С. Диатезы и залого (тридцать лет спустя) // Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (отв. ред.). Слово в тексте и в словаре: Сборник статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 466—476. [Xrakovskij V. S. Diatheses and voices (thirty years later). *Slovo v tekste i v slovaru: Sbornik statei k semidesyatiletiju akademika Ju. D. Apresjana*. Iomdin L. L., Krysin L. P. (eds.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Танасић 1982 — Tanasić S. Pasivne konstrukcije sa trpnim pridjevom u srpskohrvatskom jeziku (sintaksičko-semantička analiza). *Radovi*. 1982. Knj. IX. S. 65—125.